пример, Аввакум не считает нужным обращать внимание читателей на свое постоянное использование Хронографа (рассказы о вселенских соборах, о еретике Арие и его смерти, о царе Константине, Феодосии Великом, о греческих патриархах и т. д.). Основательное чтение Аввакумом Хронографа восстанавливается при сличении текстов хронографических статей и его сочинений. Знакомство Аввакума с Повестью о Николе Заразском также восстанавливается только на основании текстовых параллелей.

Отсутствие в ряде случаев указаний на прочитанную повествовательную литературу говорит о сознательной установке Аввакума ограничить круг произведений, к авторитету которых обращался, церковной литературой. И этот факт находится в несомненной зависимости от крайне отрицательного отношения Аввакума к «внешней мудрости».

Рассмотрение аввакумовского круга чтения может дать существенный материал не только для изучения идейных позиций Аввакума. Также важно знать источники сочинений Аввакума и для правильного издания его текста. Приведем два примера.

В Послании к Борису, направленном в московскую старообрядческую общину, обращаясь к старице Елене, протопоп Аввакум писал: «...не обленись поработати господеви. Аще ли просто положишь, болшую беду на себя наведешь: без руки будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха, и оструплена, яко Елисей. Я ли затеваю? Да не будет» (859). Так обычно издается этот текст. Это ведет к следующему пониманию текста: Аввакум грозит старице Елене в случае непослушания божьим наказанием (по-видимому, проказой), постигшем в свое время какого-то Елисея. Между тем текст надо читать иначе: «...без руки будешь ... и глуха, и оструплена. Яко Елисей я ли затеваю? Да не будет, но тако глаголет дух святый». Аввакум упоминает здесь о библейском пророке Елисее, жестоко наказавшем проказой за преступление своего ученика Гиозию, и ставит вопрос о взаимоотношениях пастыря и духовных детей. Аввакум отказывается сравнить себя с пророком Елисеем («Яко Елисей я ли затеваю? Да не будет...»), так как не хочет противопоставлять себя другим членам общины, он так же греховен, как и старица («Я оглашенной, ты оглашенная ... оба мы равны»), и смеет судить ее не в силу своей собственной святости, а по долгу духовного отца.

По поводу чтения части текста одного из писем боярыне Морозовой у издателей существуют разногласия. Я. Л. Барсков напечатал текст так: «Никак не по человеку стану судить. Хотя мне тысячу литр злата давай, не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания. Евдоксия, дочь ты мне духовная, не идешь у меня ни на небо, ни в бездну».[23] Комментируя это место, Я. Л. Барсков считал, что Аввакум писал одновременно и Евдокии Урусовой, заключенной вместе с Морозовой в Боровской тюрьме, и на этом основании делал предположение о дальнейшем смысле письма.[24] Имя Епифания он оставил здесь без пояснений, полагая, видимо, что это старец Епифаний, соузник Аввакума, о котором Аввакум сообщал в этом же письме выше.

П. С. Смирнов издал текст иначе: «...не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания Евдоксия. Дочь ты мне духовная. ..» (914). Н. К. Гудзий повторил издание Я. Л. Барскова.[25] Рассмотрение литературы, читавшейся Аввакумом, убеждает в правильности понимания текста П. С. Смирновым.

---

[23] Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 43.
[24] Там же, стр. 304.
[25] Н. К. Гудзий, стр. 304.